

Семейно-правовая охрана традиционных семейных ценностей

Российская семья: несколько значимых штрихов к юридическому портрету¹

Аннотация. В статье рассмотрен и проанализирован ряд существенных, на взгляд автора, признаков семьи, которые находятся в дискуссионном поле: совместное проживание членов семейного союза и ведение ими общего домашнего хозяйства. Зафиксирован противоположный подход в доктрине по вопросу целесообразности законодательного определения понятия «семья», высказаны аргументы в пользу его дефинирования. Обозначены предпосылки для признания правосубъектности семьи. Предложено рассматривать фактическое супружество в качестве разновидности семейного союза, заслуживающего, при определенных условиях, правовой охраны и защиты.

Ключевые слова: семья, существенные признаки, совместное проживание, семейная экономика, членство в семье, виды семейных союзов

**Надежда Николаевна
ТАРУСИНА,**
заведующий кафедрой
социального
и семейного
законодательства
Ярославского
государственного
университета имени
П. Г. Демидова,
кандидат юридических
наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
nant@uniyar.ac.ru
150003, Россия,
г. Ярославль,
ул. Советская, д. 14

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.131.7.043-050

Nadezhda N. TARUSINA,

Head of the Social and Family Legislation Department
of the Demidov Yaroslavl State University,
Cand. Sci. (Law), Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation
nant@uniyar.ac.ru
14, ul. Sovetskaya, Yaroslavl, Russia, 150003

Russian family: a few significant touches to the legal portrait

Abstract. The article examines and analyzes a number of significant, in the author's opinion, family features that are in the field of discussion: cohabitation of family union members and their management of a common household. The opposite approach is fixed in the doctrine on the expediency of the legislative definition of the concept of "family", arguments in favor of its definition are expressed. The prerequisites for recognizing the legal personality of the family are outlined. It is proposed to consider de facto matrimony as a kind of family union that deserves, under certain conditions, legal protection and protection

¹ Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-015).

Keywords: family, essential features, cohabitation, family economy, family membership, types of family unions.

Дискуссия по вопросу допустимости нормативно-правового дефинирования понятия «семья» давно относится к числу традиционных и в этом смысле — классических. Причем сторону противников данного (воистину непростого) действия держат представители цивилистической науки, весьма друг от друга далекие по своим мировоззренческим позициям относительно одного из главных вопросов для семейноведов — суверенности семейного права. В этом «клубе» вполне очевидным образом присутствуют ученые петербургской и московской школ частного права, делающие ставку на доминирование гражданско-правовой методологии в подходах к правовому регулированию семейных отношений (в первую очередь, конечно, имущественных)², а также ученые, посвятившие свои научные труды и эмоциональные энергетические затраты делу суверенизации семейно-правовых технологий от обозначенной методологии — на основе идеи об особенностях семейных отношений (их целеполагании, субъектном и юридико-фактическом составе, содержании)³.

Аргументация «членов клуба» сводится в основном к пяти ключевым тезисам (в различных авторских сочетаниях):

- семья — явление сложное, с преобладанием социолого-этического контекста, что уже затрудняет конструирование ее формально-юридической дефиниции;
- законодательная и правоприменительная практики удовлетворяются сложившимися в их системах представлениями о субъектном составе семьи (ее членах) и наиболее значимых ее характеристиках⁴;
- семья, в отличие от ее членов, не обладает правосубъектностью⁵;
- для различных отраслей российского права не исключается индивидуализация существенных признаков семьи, что не предполагает ее универсального определения⁶;
- семья — общеизвестное понятие⁷.

Сторонники внедрения обсуждаемой конструкции в дефинитивную «ткань» Семейного кодекса РФ⁸ полагают, что социологические, этические, экономические

² См., например: Гражданское право : учебник : в 3 т. М. : Проспект, 1999. Т. 3 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. С. 280 ; Антокольская М. В. Семейное право. М., 1996. С. 8—9.

³ См., например: Нечаева А. М. Семейное право. Актуальные проблемы теории и практики. М. : Юрайт, 2007. С. 90—92 ; Косова О. Ю. Семья и общество: о юридическом понятии и социальных функциях семьи // Lex russica. 2024. Т. 77. № 12. С. 45—46.

⁴ Косова О. Ю. Указ. соч. С. 47—49.

⁵ Трофимец И. А. К вопросу о понятийном аппарате семейного права: определение юридических категорий «семья» и «брак» // Семейное и жилищное право. 2024. № 3. С. 23.

⁶ Гражданское право. С. 280.

⁷ Гражданское право. С. 369.

⁸ Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».

и другие аспекты не препятствуют формально-юридическому ее определению⁹; понятие семьи — отнюдь не общеизвестное¹⁰ (например, до недавнего времени, т.е. до конституционно-правовых поправок 2020 г., в доктрине даже раздавались голоса о признании однополых союзов в качестве семейных¹¹); состояние в семье является юридическим фактом для возникновения, изменения, прекращения правоотношений в сферах трудового, социального, налогового законодательства и т.д. (недаром на региональном уровне предпринимаются попытки данное понятие определить — для запуска соответствующих льгот), при этом различная трактовка сущности семьи в зависимости от целей того или иного отраслевого регулирования не отвечает требованию системности; не обладая точной информацией о существенных признаках обсуждаемого явления, испытывает трудности и правоприменительная практика¹².

Наконец, небесспорным является тезис об отсутствии у семьи правосубъектности: она обладает имущественной обособленностью, определенным организационным единством и целью объединения и функционирования (пусть и не в представлениях классической цивилистики), персонификацией (как молодая, многодетная, неполная, малообеспеченная и т.д.). Ряд пробелов в ее специальном статусе вполне может быть восполнен, например, в рамках правил о представительстве ее интересов перед третьими лицами (тем более что во многих случаях льготы и другие формы поддержки ориентированы именно на семью, а не на ее отдельных членов), ее ответственности как особого семейного объединения¹³.

Законопроектные попытки дефинирования семьи предпринимаются, однако пока мы не готовы с ними солидаризироваться¹⁴: в одном из самых известных проектов, имеется, с одной стороны, общая благая цель — внедрить, наконец, в систему основных положений СК РФ необходимый понятийный аппарат, с другой — констатация существенных признаков обсуждаемого понятия, которая не дает возможности отграничить его от других видов семейных связей (например,

⁹ Рабец А. М. Место семьи в правовом пространстве: юридическая характеристика семьи в Российской Федерации и отдельных зарубежных государствах (нормотворческий опыт и проблемы) // *Lex russica*. 2022. Т. 75. № 11. С. 100—111; Шершень Т. В. В год семьи о понятии семьи в современном российском праве // *Семейное и жилищное право*. 2008. № 5. С. 6; Халецкая Т. М. О семье в юридическом смысле // *Ex Jure*. 2021. № 1. С. 155—156.

¹⁰ Нам подобное суждение представляется апофеозом негативной ментальности в понимании семьи как правовой конструкции.

¹¹ Антокольская М. В. Семейное право. М., 2010. С. 166.

¹² См.: Тарусина Н. Н. Семья как общеправовая конструкция // *Lex russica*. 2020. Т. 73. № 4. С. 21—33.

¹³ Долинская В. В. Семья в системе субъектов экономической деятельности // Семейный бизнес в правовом пространстве России : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М., 2023. С. 127—146.

¹⁴ Проект федерального закона № 157281-8 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/157281-8> (дата обращения: 10.02.2025).

отсутствуют упоминания о совместном проживании членов семьи и ведении ими общего хозяйства). Между тем именно совместное проживание и семейная экономика (тесно сопряженное с общим проживанием) супругов, родственников, свойственников (даже иждивенцев) не только в давней истории, но и в настоящее время составляют «изюминку» семейного союза, отличают его от иных вариаций семейных связей. Это предельно ясно подчеркивается не только сторонниками дефинирования семьи, но и некоторыми авторами с противоположной стороны: при отсутствии связки между совместным проживанием членов семьи и их участием в домашних хозяйственных делах утрачивается одна из важнейших характеристик семейного союза¹⁵.

В дополнение к этому необходимо также подчеркнуть, что законодатель так и не объявил домашний труд общественно полезным. Данную оценку, видимо, частично замещает положение о режиме совместной собственности супругов и, соответственно, равенстве их долей в нажитом имуществе (но только для семьи, основанной на браке), хотя и оно может быть перечеркнуто заключением брачного договора с избранным режимом долевой или раздельной собственности. Подобное отношение к такому явлению, как домашний труд, можно, предположительно, объяснить, во-первых, остатками патриархальной ментальности, влияющими на семейное законодательство, во-вторых, избыточным воздействием на семейно-правовую сферу методологии гражданского оборота¹⁶. Хотя, казалось бы, в ее рамках должны учитываться все экономические усилия — и жены (основного актора работы по дому), и мужа (как правило, факультативного актора), и бабушки (по присмотру и уходу за внуками), и т.д.

Следует заметить, что, например, белорусский законодатель в нормативно-правовой дефиниции семьи фиксирует общий домашний труд в качестве ее признака¹⁷. Тонкость, правда, заключается в том, что в соответствующей правовой норме отсутствует прямое указание на обусловленность домашнего хозяйствования совместным проживанием, что и критикуется рядом белорусских ученых: без этого обсуждаемый экономический признак семьи становится нерелевантным¹⁸. Впрочем, некоторым оправданием данного аспекта белорусской версии может служить соображение о косвенном присутствии признака совместного проживания членов семьи именно в рамках констатации их участия в ведении общего хозяйства: лишь часть действий подобного рода можно осуществлять на расстоянии от базовой семейной локации, их же общая сумма предполагает объединенные усилия на территории семьи.

При этом, разумеется, как и всё в реальной жизни, общее правило должно допускать исключения: член семьи по уважительным причинам (длительная командировка; обучение в образовательном учреждении, повышение квалификации;

¹⁵ Косова О. Ю. Указ. соч. С. 51.

¹⁶ См.: Тарусина Н. Н. Доктрина и семейный закон: переосмысление правового регулирования семейных отношений или «усековнение» традиции? // Закон. 2024. № 6. С. 78—85.

¹⁷ Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 09.07.1999 № 278-З (с изм. и доп.). Ст. 59 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь от 28.07.1999. № 55. 2/53.

¹⁸ Халецкая Т. М. Указ. соч. С. 159.

помощь по уходу за близкими родственниками и т.п.) временно может проживать и в другом месте. Если же данный признак игнорировать, то границы семейного союза размываются: в этом случае членом семьи будет и близкий родственник, постоянно проживающий в дальнем зарубежье (кстати, не участвующий и не собирающийся участвовать в ведении общего хозяйства), и бывший супруг (как общающийся с бывшей женой и со своим ребенком, так и не общающийся; как платящий алименты, так и игнорирующий эту обязанность), и др. Считаем, что в подобных ситуациях речь должна идти не о членах семьи, а о субъектах иных семейных связей.

Следует также заметить, что некоторые российские региональные законодатели, из-за необходимости при введении льгот для семьи отграничивать истинный семейный союз от иных сходных явлений, предпринимают самостоятельные попытки его дефинирования, фиксируя при этом такие его характеристики, как «совместное проживание», «ведение общего хозяйства», «забота друг о друге»¹⁹. Это явственно свидетельствует и об оценке значимых признаков семьи, и о потребности в ее нормативно-правовом определении со стороны субъектов, работающих «на земле», а не увлекающихся доктринальными дискуссиями.

В проектной дефиниции при отсутствии, как мы уже заметили, признаков локализации членов семьи и их домашнего труда, имеется указание на объединенность членов семьи общими семейными ценностями. С одной стороны, мы, безусловно, привержены идее закрепления в семейном законе (в целом и конкретно по институтам) этических постулатов, несмотря на их кажущуюся декларативность²⁰, с другой — именно в рассматриваемом случае это не соответствует жизненным реалиям: супруги и другие члены семьи могут опираться на весьма различные ценности и индивидуальные представления о них (религиозные, атеистические, эгалитарные, патриархальные, военно-патриотические, пацифистские и т.д.). И пока эти представления реализуются в рамках закона, они не влияют на валидность семейного союза, как бы нам ни хотелось этической и идеологической гармонии в мировоззрениях его субъектов. А вот указание на взаимную заботу и поддержку членов семьи юридически значимо: оно конкретизирует начала семейного закона (ст. 1 СК РФ) и имеет защитную компоненту в виде алиментных обязательств и правил об отступлении от равенства долей при судебном разделе общесупружеского имущества (гл. 13—15 СК РФ, ст. 39 СК РФ).

Обратимся к двум нестандартным союзам семейного типа. Первый, фактический брак, являясь разновидностью семьи, вызывает безусловное не только житейское, но и юридическое сочувствие, о чем мы неоднократно писали в своих работах. Особенно это касается союзов с общими детьми и длительным

¹⁹ См., например: Закон Республики Башкортостан от 05.11.1993 № ВС-21/19 (с изм. и доп.) «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Башкортостан» // Ведомости Верховного Совета и Правительства Республики Башкортостан. 1994. № 2 (20). Ст. 75.

²⁰ См., например: Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex russica. 2023. Т. 76. № 1. С. 33—52.

совместным проживанием²¹. Как известно, в настоящее время обеспечивается лишь юридическая защита фактического супруга, находившегося на прижизненном иждивении умершего партнера, причем доказывание по делам данной категории и его результаты — противоречивы. В доктрине большинство ученых, допускающих расширение этой защитной функции, все же ориентируются на ситуации *post mortem*, опасаясь, что охват признанием правовых последствий фактического брака ослабит позиции действующего, законного, варианта²².

Предпосылкой активизации внимания к проблеме явился законопроект об уравнивании социально-правового статуса вдов зарегистрированного брака и вдов брака фактического, чьи супруги погибли при выполнении воинского долга в специальной военной операции²³. Предыдущий же законопроект, в котором предлагался универсальный подход к юридическому признанию фактических семейных союзов²⁴, не получил поддержки ни депутатов, ни общества в целом. Поскольку проблеме правовой защиты «слабой стороны» фактического брака мы посвятили несколько работ²⁵, в данной статье предлагать соответствующую подробную аргументацию не считаем целесообразным. Заметим лишь, что введение защитного механизма прав и интересов «фактических» вдов участников СВО в будущем может способствовать смягчению негативных взглядов на легализацию фактических браков определенного типа (с общими детьми, при длительных сроках совместной жизни и т.п.).

Напротив, не вызывает авторского сочувствия ситуация совершенно иного свойства, хотя она, в отличие от первой, пока находится как бы в правовом поле. Так, несмотря на запрет смены пола и введение правовых последствий данной акции в форме прекращения брака (ч. 1 ст. 16 СК РФ), семейные союзы в виде однополого родительства все же существуют и прямой законодательной оценке пока не подлежат. Практике известны различные подходы к решению вопроса о родительстве трансгендера — от лишения родительских прав (ввиду неблагоприятного психического воздействия на ребенка) до их сохранения (ввиду

²¹ По этому вопросу мы находим единомышленников. Например, в доктрине отмечается, что заслуживают защиты фактические браки, длившиеся (условно) более 30 лет. См.: *Богдан В. В.* Брак *post mortem*: размышления о признании фактических брачных отношений // Труды Института государства и права РАН. 2024. Т. 19. № 3. С. 106—124.

²² См.: *Михайлова И. А.* Гендерное неравенство в брачно-семейной сфере: формы проявления и возможности преодоления // *Lex russica*. 2022. Т. 75. № 8. С. 123.

²³ Законопроект № 539969-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (о фактических брачных отношениях) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8> (дата обращения: 12.02.2025).

²⁴ Законопроект № № 368962-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации (по вопросу о статусе фактических брачных отношений) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/368962-7> (дата обращения: 12.02.2025).

²⁵ См., например: *Тарусина Н. Н.* Семья: ценностные и формально-юридические ориентиры // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13. № 3. С. 371—373; *Ее же.* Фактическое супружество: на «волнах» эволюции российской цивилистики // Семейное и жилищное право. 2025. № 2. С. 11—13.

отсутствия данного факта)²⁶. Полагаем, что подобное безразличие законодателя не соответствует его же ориентирам на защиту традиционных семейных ценностей, запретам усыновления и иных форм попечения над детьми однополыми парами (в браке и вне его). Для ситуаций, которые не противоречат интересам ребенка (впрочем, это для нас сомнительно), возможно, следует отреагировать не императивом, а ситуационной нормой, предполагающей судебское усмотрение. В этом случае хотелось бы конкретизации правовой позиции со стороны Верховного Суда РФ.

Предложенные соображения о существенных характеристиках семьи и семейных союзах, должны были бы быть приравненными к ним, являются предпосылками как для дальнейшего исследования рассматриваемой проблематики, так и для законопроектной работы, тем более что тридцатилетие СК РФ справедливо и обоснованно оценивается не только в качестве повода для юбилейных докладов, но и как основание для его существенной переработки (либо подготовки нового кодифицированного семейного закона)²⁷, включая нормативно-правовое оформление его понятийного аппарата.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антокольская М. В. Семейное право. — М., 1996. — 366 с. ; — М., 2010. — 432 с.
2. Богдан В. В. Брак post mortem: размышления о признании фактических брачных отношений // Труды Института государства и права РАН. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 106—124.
3. Гражданское право : учебник : в 3 т. — М. : Проспект, 1999. — Т. 3 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. — 621 с.
4. Долинская В. В. Семья в системе субъектов экономической деятельности // Семейный бизнес в правовом пространстве России / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. — М. : Проспект, 2023. — 624 с.
5. Ильина О. Ю. Тенденции изменения Семейного кодекса Российской Федерации и практики его применения // Lex russica. — 2024. — Т. 77. — № 12. — С. 10—22.
6. Косова О. Ю. Семья и общество: о юридическом понятии и социальных функциях семьи // Lex russica. — 2024. — Т. 77. — № 12.
7. Михайлова И. А. Гендерное неравенство в брачно-семейной сфере: формы проявления и возможности преодоления // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 8 (189). — С. 119—129.
8. Нечаева А. М. Семейное право. Актуальные проблемы теории и практики. — М. : Юрайт, 2007. — 279 с.

²⁶ Подробно см., например: Тарусина Н. Н. Несколько тезисов о родительстве, осложненном особыми обстоятельствами // Семейное и жилищное право. 2023. № 6. С. 11.

²⁷ См.: Ильина О. Ю. Тенденции изменения Семейного кодекса Российской Федерации и практики его применения // Lex russica. 2024. Т. 77. № 12. С. 20.

9. Рабец А. М. Место семьи в правовом пространстве: юридическая характеристика семьи в Российской Федерации и отдельных зарубежных государствах (нормотворческий опыт и проблемы) // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 11.
10. Тарусина Н. Н. Доктрина и семейный закон: переосмысление правового регулирования семейных отношений или «усекновение» традиции? // *Закон*. — 2024. — № 6. — С. 78—85.
11. Тарусина Н. Н. Несколько тезисов о родительстве, осложненном особыми обстоятельствами // *Семейное и жилищное право*. — 2023. — № 6. — С. 9—12.
12. Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // *Lex russica*. — 2023. — Т. 76. — № 1. — С. 33—52.
13. Тарусина Н. Н. Семья как общеправовая конструкция // *Lex russica*. — 2020. — Т. 73 — № 4. — С. 21—33.
14. Тарусина Н. Н. Семья: ценностные и формально-юридические ориентиры // *Демидовский юридический журнал*. — 2023. — Т. 13. — № 3. — С. 364—381.
15. Тарусина Н. Н. Фактическое супружество: на «волнах» эволюции российской цивилистики // *Семейное и жилищное право*. — 2025. — № 2. — С. 11—13.
16. Трофимец И. А. К вопросу о понятийном аппарате семейного права: определение юридических категорий «семья» и «брак» // *Семейное и жилищное право*. — 2024. — № 3. — С. 20—23.
17. Халецкая Т. М. О семье в юридическом смысле // *Ex Jure*. — 2021. — № 1. — С. 152—170.
18. Шершень Т. В. В Год семьи о понятии семьи в современном российском праве // *Семейное и жилищное право*. — 2008. — № 5. — С. 2—6.